

Глава XXVII

«СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» И СОЮЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Так под выстрелами и началась работа нашего Мясницкого отдела. Он был организован раньше всех других отделов и, когда Петербургский Центральный комитет обратился в Московский с просьбой командировать члена комитета в Петербург для доклада схемы принятой организации отделов, командирован был я.

По возвращении из командировки мне было предложено организовать агитационный и лекционный отделы и стать во главе их, редакционный же отдел был поручен Н. А. Хомякову. Новое назначение поглотило все мое время, и мне поневоле пришлось несколько отойти от работы по Мясницкому отделу. Мой телефон 22–62 стал работать непрерывно с раннего утра до поздней ночи. Нужно было организовать цикл лекций митинговых выступлений. Лекторами приглашались И. Х. Озеров, М. М. Богословский, гр. Комаровский¹⁶⁸ и другие профессора, но находить желающих выступать под флагом Союза было нелегко: большинство принадлежало или примыкало к Конституционно-демократической партии.

К профессорам надо было ездить самому, улаживать с ними, обеспечивать помещения, снабжать их всем необходимым, своевременно готовить и распространять объявления о собраниях, устанавливать порядок заседаний и отдельных выступлений на них, готовить содокладчиков и оппонентов оппонентам, словом, хлопот было без конца, а тут и самому надо было успевать бывать на собраниях и обеспечивать интересы своей партии командированием на собрания других партий своих энергичных и популярных ораторов. Приходилось и самому выступать не раз.

В самом начале партийной организации на докладе Н. А. Крюкова о постановке выборного дела в Америке я выступил с горячим призывом отвергнуть образцы выборных кампаний Европы и Америки и поставить это дело у нас на более здоровую почву. Несколько позднее на большом политическом собрании в помещении Хлебной биржи на Введенской площади, перед закрытием собрания, когда оставалось всего десять минут до назначенного часа закрытия заседания, я попросил слова и, неожиданно для самого себя, выступил с горячим словом по поводу вышедшей в тот день статьи примкнувшего к кадетам князя Е. Н. Трубецкого, нападавшего на партию центра. Я обвинял его в искажении приводимых им тезисов и в узкой партийности, упрекая его в отрицании значения представительства в Государственной думе от всех партий.

Иногда приходилось выступать с очередными докладами для замещения не успевших прибыть вовремя на собрание объявленных лекторов или в ожидании приезда особо популярных членов Центрального комитета А. И. Гучкова и Ф. Н. Плевако. Д. Н. Шипов выступал редко, и самые выступления его были бледны. На съездах всегда с большим успехом выступал М. А. Стахович. В случаях замещения на собраниях опоздавших — объявленных ораторов, — приходилось искусственно растягивать свою речь. То же приходилось делать, когда нужно было тактических соображений ради замедлить выступление опасных для Союза популярных оппонентов других партий. Так, однажды я заставил самого П. Н. Милюкова целых полчаса выслушивать мою ламентацию о процессе самих выборов. Иногда, из тех же соображений тактики, речь подводилась к границе допускаемых в политических собраниях нападок на политических противников (главным образом — опасных для нас кадетов). Председатель собраний останавливал или лишал своих ораторов слова для того, чтобы вызвать взрыв протеста со стороны собрания, и затем, по настоянию собрания, давал возможность продления речи в приподнятой уже атмосфере собрания. Через месяц или полтора по моем вступлении в партию я был включен в число членов Центрального комитета, участвуя до того в его заседаниях с правом совещательного голоса.

Лидером «октябристов» был неукоснительно А. И. Гучков, хотя выступления его не всегда отвечали взглядам партии, и дважды он был судим

партией за свои выступления. Оба раза пришлось именно мне выступать в роли первого его обвинителя. В первый раз это имело место после шумевшего выступления его в Земском губернском собрании вскоре по закрытии съезда партии, с постановлениями которого он открыто разошелся в оценке современного положения. Возмущение членов партии против своего лидера было всеобщим. Я пригласил к себе на квартиру Д. Н. Шипова, Н. А. Хомякова, В. П. Рябушинского, Л. М. Лопатина, И. Ф. Огнева, П. Н. Богаевского и В. Е. Гиацинтова, и мы устроили совещание, в результате которого меня просили вызвать для объяснений А. И. Гучкова. Александр Иванович сначала отказывался приехать, но затем уступил моей настойчивости и приехал. Объяснение его никого из нас не удовлетворило, и Гучкову было поставлено на вид его уклонение от партийной программы. Другой раз, по моей же инициативе, было созвано в Москве соединенное собрание членов Московского и Петербургского Центральных комитетов для обсуждения выступления А. И. Гучкова на съезде партии в Казани, где он доказывал необходимость установления военно-полевых судов¹⁶⁹. Мне вторично пришлось первому выступить обвинителем Александра Ивановича. Дебаты приняли крайне острый характер. На меня особенно страстно обрушились Г. А. Крестовников и Н. И. Гучков. Я предлагал собранию выразить Гучкову от лица Центральных комитетов порицание за его выступление, шедшее вразрез со взглядами партии. Из опасения полного раскола партии с выходом из нее А. И. Гучкова большинство оказалось на его стороне. Тогда левое крыло партии — Л. М. Лопатин, И. Ф. Огнев, В. Е. Гиацинтов, П. М. Богаевский, я и еще некоторые лица заявили о своем выходе из партии. Д. Н. Шипов вышел из партии несколько ранее.

Оглядываясь назад, я продолжаю считать, что организаторы «Союза 17 октября» не сумели использовать возможность объединения Союзом всех партий центра. Позднейшая ошибка Союза заключалась в слитии его с Торгово-промышленной партией, увеличившей, правда, Союз количественно, но ослабившей его политическое значение.

По выходе моем из Союза я был включен в число членов партии «Мирного обновления», образованной князем Е. Н. Трубецким и графом П. А. Гейденем, в которую вступили также Д. Н. Шипов и М. А. Стахович. Но партия

эта оказалась мертворожденной, а я не был ни на одном из заседаний, совершенно охладев к партийной и политической деятельности.

Мне пришлось еще принять участие в выборах выборщиков для избрания членов I Государственной думы. Мне было предложено быть товарищем председателя избирательной комиссии по Мясницкому участку, председателем которой был гласный Думы — С. П. Патрикеев.

Настал так давно ожидаемый день выборов. Приподнятость общественного настроения достигла своего апогея. С раннего утра по всему городу носились автомобили за избирателями. Кадеты мобилизовали всю молодежь — студентов, студенток, гимназистов, гимназисток, которые не давали прохода никому, всучивая каждому проходящему листки с именами своих кандидатов в выборщики. Особеннолюдно и шумно было около здания Думы и в самом здании — в вестибюле, на лестницах и в нижних коридорах. Когда шум превзошел всякие границы допустимого, пришлось удалить из здания всех, не принимавших участия в выборах, и поставить оградительные заставы. Но никакие меры для водворения тишины и порядка не помогли, когда в вестибюле появился С. А. Муромцев, намеченный кадетами в Председателя Государственной думы. Молодежь устроила ему такую шум-

Московская городская дума на Воскресенской площади

ную овацию, что пришлось приостановить выборы и выйти из зала для водворения порядка.

Зал был разделен на две половины по алфавиту инициалов фамилии избирателей. В одну сторону зала шли носители фамилий, начинающихся с буквы «А» до буквы «Л», в другую — от буквы «М» до буквы «Я». Первой половиной заведовал С. П. Патрикеев, второй — я. Избиратели становились в очередь и подходили к столу с готовыми уже заклеенными пакетами с вложенным в них списком кандидатов в выборщики. Когда к моему столу подошел С. А. Муромцев, я под впечатлением только что устроенной ему внизу овации сказал ему: «Как популярность ведет иногда к беспорядку». На это Муромцев ответил мне, что гораздо хуже иметь популярную букву в инициале своей фамилии, намекая на длинный хвост перед буквой «М», с которым ему пришлось считаться. По приеме последних пакетов и закрытии собрания избирательная комиссия запечатала урны и поставила для их охраны вооруженную стражу. На другой день урны были вскрыты, и в присутствии назначенных и приглашенных лиц были подсчитаны голоса. Очень скоро выяснилось, что кадеты одержали полную победу. Так, этим избирательным актом и закончилась моя краткая политическая деятельность, давшая мне сильное утомление и весьма мало удовлетворения.

В это же время, под влиянием общего подъема общественности, мне пришла идея — образовать профессиональный Союз деятелей путей сообщения. Я обратился за советом к Г. М. Будагову, который одобрил мою мысль и обещал свое содействие. Мы решили с ним устроить в ресторане «Эрмитаж» в отдельном зале товарищеский обед, пригласив на него общих знакомых из числа инженеров Московского округа путей сообщения. Собралось на обед до тридцати человек. Мое выступление по окончании обеда с изложением цели и значения образования союза было встречено весьма сочувственно, и все присутствующие согласились вступить в число членов союза, обещав привлечь к союзу своих сослуживцев.

Для всех было ясно, что объединение на профессиональной почве деятелей по путям сообщения — теоретиков и практиков — даст только положительный результат. Было решено не устанавливать никакого ценза для вступления в союз и совершенно исключить обсуждение в союзе каких бы то ни

было не технических тем. Через две недели после упомянутого обеда нами было созвано организационное собрание, на которое собралось уже около ста человек. Было решено во главе союза поставить временный совет из десяти человек, которому и поручить выработку программы деятельности союза и проведение его легализации. Председателем совета был избран я, а товарищем — Г. М. Будагов. В очень скорое время в союз вступили членами почти все московские инженеры, многие из Петербурга и провинции, и следующее общее собрание состоялось в числе уже свыше полутора ста человек. Мне было поручено поехать в Петербург с ходатайством перед министром путей сообщения об утверждении устава союза.

Я прибыл в Петербург в день назначения министром путей сообщения генерала, военного инженера Н. К. Шауфуса, бывшего перед тем начальником Николаевской железной дороги. Я попал первым на прием и счел себя вправе приветствовать нового министра — как первого конституционного министра путей сообщения в России. Но это мое приветствие не пришлось по душе Шауфусу, он даже привскочил на своем кресле от неожиданности такого обращения к нему и резко ответил мне, что он верный слуга своего монарха. Мое объяснение, что одно не противоречит другому, не было им дослушано, а на мое ходатайство о легализации союза последовал его ответ, что, пока он министром, союзу не бывать. Мне ничего другого не оставалось, как ретироваться со смутной надеждой, что другой раз я буду счастливее. Но этого не случилось. Вскоре во всех железнодорожных Управлениях и в Округе путей сообщения было получено циркулярное распоряжение — объявить всем служащим, что состояние членами нелегального союза несовместимо со службой как в казне¹⁷⁰, так и в частных железнодорожных обществах, и было предложено всем, записавшимся уже в число членов союза, в недельный срок представить по начальству доказательство выхода из союза. Чиновники и служаки струхнули, и ко мне посылались заявления о выходе из союза, при просьбах о выдаче в том удостоверения. Мне ничего не оставалось, как выдавать всем просимые ими индульгенции. Так союз и замер на третий месяц его образования, и все наши благие намерения прийти на помощь министерству и оживить дело изысканий, постройки и эксплуатации путей сообщения разлетелись прахом. Между тем, для всех нас, прак-

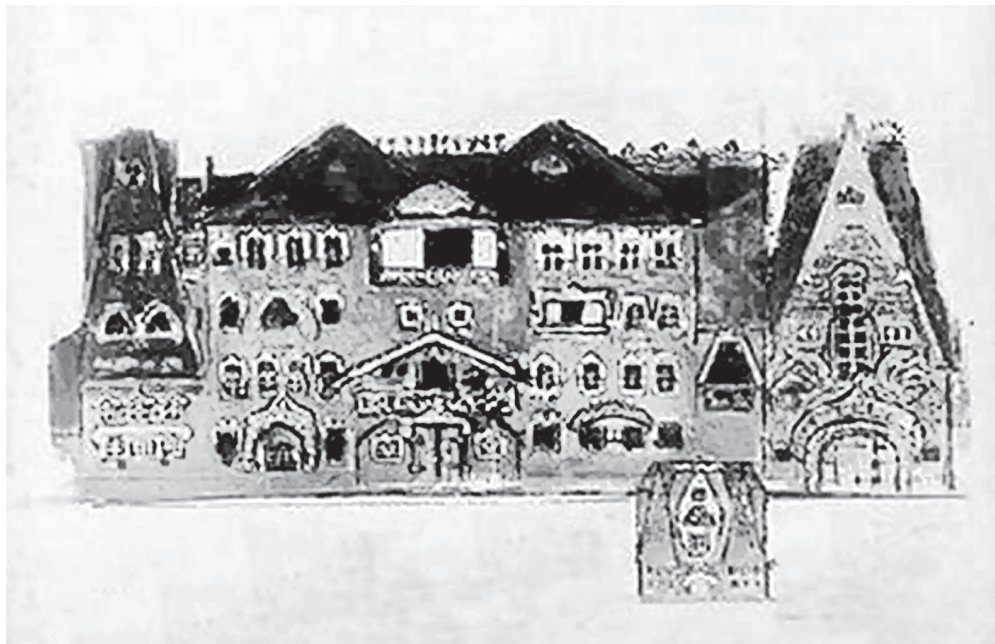
тиков по своей специальности, были так ясны все недочеты в процессе разрешения и производства работ, от которых так страдало дело строительства и борьба с которыми была совершенно непосильна для отдельных лиц. Только союз как авторитетный орган мог и должен был сыграть в этом деле роль живого и компетентного посредника.

Глава XXVIII

ПОСТРОЙКА ДОМА В МОСКВЕ

Этой же зимой 1905/1906 годов я решил приступить к составлению проекта для перестройки нашего дома в Москве с расчетом начать постройку его с весны. Памятуя обещание, данное мною И. Е. Цветкову, — построить дом в русском стиле и считаясь с тем, что место постройки — на берегу реки Москвы, рядом с храмом Христа Спасителя и с открытым видом на Кремль, — обязывает строго отнестись к заданию, я решил объявить закрытый конкурс на составление проекта доходного дома «в русском стиле» и обратился к художникам А. М. Васнецову и С. В. Малютину, архитектору А. И. Дидерихсу и архитектору-художнику Л. М. Браиловскому с предложением участвовать в конкурсе. Условием составления проекта я поставил, чтобы он отвечал «духу и преданиям Москвы и требованиям современности», при этом для нормировки проектирования я выработал с городским архитектором Н. К. Жуковым, применительно к участку земли, план дома и предложил конкурентам придерживаться его. Первую премию я установил в 800 рублей и вторую — в 600 рублей, но оставил за собой право личного выбора для постройки любого из премированных проектов.

В жюри конкурса я пригласил: В. М. Васнецова, В. И. Сурикова, В. Д. Поленова, Ф. О. Шехтеля, И. А. Иванова-Шица, С. И. Соловьева и С. В. Новаковского, предложенного мне дополнительно Л. М. Браиловским. Первая премия была присуждена А. М. Васнецову и вторая — С. В. Малютину. Л. М. Браиловский был обижен результатом конкурса: за него был подан всего один голос — С. В. Новаковского. Проект Васнецова, будучи шаблонным, меня не удовлетворил, и я решил остановиться на С. В. Малютине, поручив ему переработать его конкурсный проект. На конкурс он представил

Эскиз дома Перцова. С. В. Малютин. 1905

проект в стиле русского ампира, который, будучи интересным по замыслу, не вполне отвечал первому условию задания.

У Сергея Васильевича сохранился крайне интересный красочный эскиз его первого проекта, который, как не отвечающий заданному плану, он не выставил на конкурс, и вот, увидав его у него, я решил, что лучшего нечего и желать. Сергей Васильевич взял в нем за основу существующую постройку — трехэтажный ящик с небольшими оконными отверстиями, нанес на него четвертый этаж с большими окнами комнат-студий для художников и с интересным балконом под золотым куполом под названием «Беседа Царицы» и пристроил к нему по набережной четырехэтажный особняк и по переулку — особый отлетный корпус со стильно разработанным главным подъездом, богато покрытым майоликовой живописью.

Все здание завершалось высокими, отдельно разработанными крышами, а стены и фронтоны дома были богато украшены пестрой майоликой. Эскиз

Дом З. А. Перцовой в Москве. Фотография 1900-х

получился в высшей степени интересным, красочным и крайне оригинальным — в сказочно-былинном стиле. Я пленился им и договорился с Сергеем Васильевичем, что он переработает проект, приспособив его к заданному плану. Острый угол к переулку представлял собой немалое затруднение для его разработки, но Сергей Васильевич талантливо разрешил вопрос, допустив некоторое уклонение от нормальной архитектурной проектировки, и угол этот получился особенно интересным. Чтобы лучше сообразить общую компоновку отдельных частей здания, Сергей Васильевич вылепил модель дома из глины. Меня Сергей Васильевич совершенно захватил своим индивидуальным талантом, и я решил всецело отдаться на его вкус, вводя лишь небольшие коррективы чисто технического или хозяйственного значения.

Сергей Васильевич по разработке проекта в целом приступил к обработке деталей фасада и составлению рисунков для заказа наружной майо-

Дом З. А. Перцовой. Балкон

лики. По его совету я поручил выполнить заказ майолики артели молодых художников Строгановского училища под фирмой «Мурава», не имевших в то время работы и близких, за отсутствием заказов, к ликвидации своего дела.

Выбором фирмы мы не ошиблись, работа была исполнена в срок с точным воспроизведением раскраски, согласно данных Сергеем Васильевичем рисунков; качество работы также оправдало себя — за пятнадцатилетний период времени не последовало никаких повреждений глазури. С моей легкой руки вовремя поддержанная моим крупным заказом артель пошла в гору и в скором времени развила свое производство. Я лично руководил всеми работами и входил во все детали постройки, целыми днями носясь по всем этажам и не оставляя без личного надзора ни одного места работ. Все работы велись одновременно, и через четыре с небольшим месяца от начала работ постройка была закончена. В конце сентября были сняты леса, и на

Дом З. А. Перцовой. Фасад по Пречистенской набережной и Лесному (ныне Соймоновскому) проезду. Фотография 1900-х

Дом З. А. Перцовой в Москве. Угол фасадов по Лесному (ныне Соймаоновскому) проезду и Нижнему Лесному (ныне Курсовому) переулку. Фотография 1900-х

зиме остались штукатурные работы, настилка паркетов и малярные работы, которые и продлились до марта месяца.

Таким образом, в одиннадцатимесячный срок были закончены решительно все работы, и с апреля месяца квартиры были объявлены к сдаче. В мае въехали в дом первые жильцы. Здесь надо отметить, что почти все работы производились нешаблонно. Много было возни с устройством высоких сложных стропил верхнего света над парадной лестницей и над некоторыми студиями, асфальтовой площадки на крыше дома и купола над центральным балконом. Во всем доме не было допущено деревянных перекрытий и переборок, последние были устроены из двух рядов — вертикальных и горизонтальных алебастровых досок, изготавливаемых на особых станках. Полы и панели уборных выложены плитками. Проводка электричества устроена вся скрытая, равным образом замаскированы все водопроводные и канализационные трубы. Вообще при постройке дома во всех деталях преследовались две основные задачи — солидность устройства и удовлетворение требований эстетики.

Эффектной вышла парадная лестница, обслуживающая все квартиры, за исключением нашей, красивы получились ее перила с литым бронзированным фризом, рисунок которого был взят, по совету С. В. Малютина, с древних барочных украшений. Наша квартира, расположенная в трех этажах корпуса на набережной, обслуживалась своим подъездом. Позднее, когда выяснилась нужда в особом зале для молодежи, к нашей квартире было присоединено подвальное помещение, в котором одно время помещался кружок артистов Московского Художественного театра под названием «Летучая мышь», устраивавший свои закрытые интимные собрания по ночам, по окончании спектаклей. Душой этих собраний был Н. Ф. Балиев, организовавший позднее свою труппу для публичных спектаклей «Летучей мыши», ставшую вскоре столь популярной в Москве. Для устройства танцевального зала помещение было мною углублено на аршин и по асфальтовой подготовке положен дубовый паркет. Фронтоны на площадь и на набережную облицованы сплошь майоликой, равно как и простенки между окнами 4-го этажа на площадь. Также майоликой украшены перила балконов и углы дома. На коньке крыши над острым углом поставлена золоченая решетка

Домъ З. А. Перцовой въ Москвѣ
Площ. храма Хр. Спасителя.
Проектъ С. В. Малюшина.

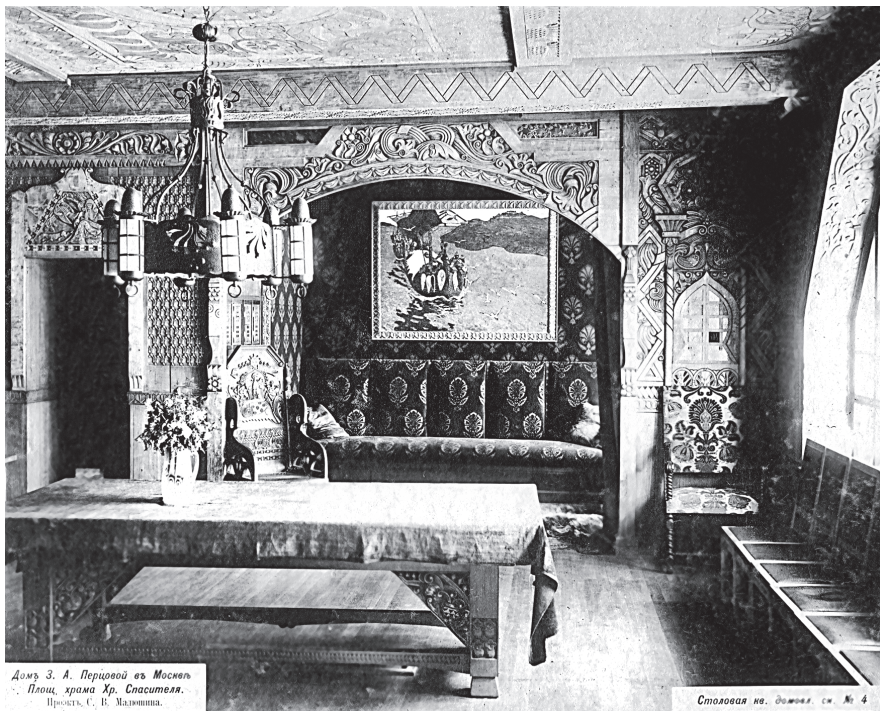
Вестибюль

Вестибюль дома З. А. Перцовой

со львами, а над пирамидальной крышей над зеленой башней — золоченый петух.

Художественный критик Сергей Глаголь (доктор Голоушев) посвятил описанию дома особую статью, в которой он отмечал значение постройки в Москве домов в русском стиле. По его отзыву, наш дом в художественно-архитектурном отношении занял следующее место после Ярославского вокзала. По своей оригинальной внешности дом наш в очень скором времени стал известен всей Москве и попал как одна из достопримечательностей Москвы в путеводитель по Москве издания Сабашниковых.

Отделка нашей квартиры захватила часть лета 1907 года. Салон с панелями и хорами из красного дерева, спальную с нишей и восточную курительную комнату отделывал мебельщик Коршанов, а столовую русского стиля,

Домъ З. А. Перовой въ Москвѣ.
Планъ, храмъ Хр. Спасителя.
Проектъ, Г. В. Маврина.

Столовая на. Обложка. стр. 4

Столовая

Кабинет

как и вестибюль, и лестницу, — кустари, выписанные Сергеем Васильевичем из Нижегородской губернии. Сергей Васильевич лично руководил резьбой стен, арок, наличников, столовой мебели и всеми работами по отделке комнат.

Стены столовой резались из дуба, а арки, наличники и карнизы — из березы. Посудный лифт для спуска кушаний из кухни в буфет при столовой отделан в виде изразцовой майоликовой печи. Столовая вышла строго стильной.

Половина салона от входа с площадки лестницы отведена под кабинет. Красивы вышли хоры с библиотечными на них шкафами и широким под ними камином. В большом окне ниши вставлено цветное, исполненное Строгановским училищем по рисунку Врубеля, стекло с изображением «Въезда победителя». Картина Малявина «Мужик» была вделана в стену над письменным столом. Под широким, во всю стену, трапецеидальным окном

Думка при столовой

Столовая

с зарисованным цветами и арабесками стеклом стояла дубовая, с резьбой, скамья.

Березовая резная арка с резным окошечком отделяла от столовой «Думку», на стене которой против арки висело большое синее полотно Рериха — «Заморские гости».

Пол столовой — из цельных дубовых брусков. Над обеденным столом во всю длину висела на цепях дубовая резная лампа с фонариками на концах ее, цветными и светящимися гранеными стеклышками по длине лампы и центральным светом над серединой стола, где устроена клетка с освещаемым на стекле рисунком «Жар-птицы». Стену к гостиной занимал большой дубовый резной буфет. Дубовая резная дверь с писаным окошечком вела в небольшую комнатку Ляли, а темная дубовая ниша с красными стеклыш-

ками в глубине ее вела в нашу спальную. С площадки лестницы дверь вела в узкую «восточную» курительную комнату с цветным, за дубовой решеткой, окном во двор, живописным пестрым купольным плафоном с арабским резным медным фонарем-лампой. На подоконнике широкого окна стояла вывезенная мною из Бухары азиатская медная утварь. В глубине комнаты темного дуба лестница со шкафчиком под ней вела на хоры кабинета. В общем, вся отделка первого и второго этажей с соединяющей их лестницей была интересно задумана и любовно выполнена под непосредственным руководством С. В. Малютина, проявившего не только массу вкуса, но и много практичности.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. О МОИХ ДЕДАХ И ИХ СЕМЬЯХ.....	8
Глава II. О МОИХ РОДИТЕЛЯХ, МОИХ БРАТЬЯХ, МОЕЙ СЕСТРЕ И ИХ СЕМЬЯХ.....	14
Глава III. О РОДНЫХ МОЕЙ ЖЕНЫ.....	31
Глава IV. О РОДИТЕЛЯХ ЖЕНЫ, ЕЕ СЕСТРАХ И ИХ СЕМЬЯХ.....	36
Глава V. МОЕ ДЕТСТВО	52
Глава VI. ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ.....	64
Глава VII. ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА	83
Глава VIII. ПО ОКОНЧАНИИ КУРСА. ПРАКТИКА ПО СЛУЖБЕ ДВИЖЕНИЯ	106
Глава IX. ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.....	108
Глава X. ПЕРВАЯ СЛУЖБА НА ОРЕНБУРГСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ	113
Глава XI. ПОМОЛВКА. ЖЕНИТЬБА. СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.....	119
Глава XII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ. РОЖДЕНИЕ НИНЫ.....	134
Глава XIII. ПОЕЗДКА В КИЕВ. СЛУЖБА НА БАЛТИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.....	137
Глава XIV. ПОСТРОЙКА САМАРО-УФИМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	140
Глава XV. ПОСТРОЙКА УФА-ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	154

Глава XVI. СЛУЖБА ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ.....	186
Глава XVII. ПЕРЕХОД НА ПОДРЯДНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. ОТЪЕЗД ИЗ УФЫ. ЛЕБЕДЯНЬ-ЕЛЕЦКАЯ ПОСТРОЙКА.....	195
Глава XVIII. БОЛЕЗНЬ И ОПЕРАЦИЯ ЗИНЫ. ПОЕЗДКА НА ЮГ	208
Глава XIX. ЕКАТЕРИНБУРГ-ЧЕЛЯБИНСКАЯ ПОСТРОЙКА	212
Глава XX. ПОСТРОЙКА СИМБИРСКОЙ И ТИМИРЯЗЕВО-НИЖЕГОРОДСКОЙ ЛИНИИ ОБЩЕСТВА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	226
Глава XXI. ЗАГРАНИЧНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ	235
Глава XXII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ. МОСКВА. А. О. ЛЕПЕНИН	264
Глава XXIII. ТУАПСЕ	276
ГЛАВА XXIV. МОСКВА	287
Глава XXV. 1905 ГОД.....	296
Глава XXVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	301
Глава XXVII. «СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» И СОЮЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ	306
Глава XXVIII. ПОСТРОЙКА ДОМА В МОСКВЕ	313
Глава XXIX. ЗАМУЖЕСТВО НИНЫ. И. М. ЛИХОНИН.....	326
Глава XXX. ИДЕЯ КОНЦЕССИИ АРМАВИР-ТУАПСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	335
Глава XXXI. ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА В СИБИРЬ И ВЗЯТИЕ РАБОТ ПО ПЕРЕУСТРОЙСТВУ ГОРНЫХ УЧАСТКОВ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	340
Глава XXXII. СЫНОВЬЯ	343
Глава XXXIII. КОНЧИНА МАМАШИ И ЯШИ ФОХТСА.....	347
Глава XXXIV. ПРОВЕДЕНИЕ КОНЦЕССИИ АРМАВИР- ТУАПСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ	352
Глава XXXV. ЧЕТВЕРТАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. ОЗЕРО ГАРДА.....	360

Глава XVI. СЛУЖБА ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ.....	186
Глава XVII. ПЕРЕХОД НА ПОДРЯДНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. ОТЪЕЗД ИЗ УФЫ. ЛЕБЕДЯНЬ-ЕЛЕЦКАЯ ПОСТРОЙКА.....	195
Глава XVIII. БОЛЕЗНЬ И ОПЕРАЦИЯ ЗИНЫ. ПОЕЗДКА НА ЮГ	208
Глава XIX. ЕКАТЕРИНБУРГ-ЧЕЛЯБИНСКАЯ ПОСТРОЙКА	212
Глава XX. ПОСТРОЙКА СИМБИРСКОЙ И ТИМИРЯЗЕВО-НИЖЕГОРОДСКОЙ ЛИНИИ ОБЩЕСТВА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	226
Глава XXI. ЗАГРАНИЧНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ	235
Глава XXII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ. МОСКВА. А. О. ЛЕПЕНИН	264
Глава XXIII. ТУАПСЕ	276
ГЛАВА XXIV. МОСКВА	287
Глава XXV. 1905 ГОД.....	296
Глава XXVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	301
Глава XXVII. «СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» И СОЮЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ	306
Глава XXVIII. ПОСТРОЙКА ДОМА В МОСКВЕ	313
Глава XXIX. ЗАМУЖЕСТВО НИНЫ. И. М. ЛИХОНИН.....	326
Глава XXX. ИДЕЯ КОНЦЕССИИ АРМАВИР-ТУАПСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	335
Глава XXXI. ТРЕТЬЯ ПОЕЗДКА В СИБИРЬ И ВЗЯТИЕ РАБОТ ПО ПЕРЕУСТРОЙСТВУ ГОРНЫХ УЧАСТКОВ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	340
Глава XXXII. СЫНОВЬЯ	343
Глава XXXIII. КОНЧИНА МАМАШИ И ЯШИ ФОХТСА.....	347
Глава XXXIV. ПРОВЕДЕНИЕ КОНЦЕССИИ АРМАВИР- ТУАПСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ	352
Глава XXXV. ЧЕТВЕРТАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. ОЗЕРО ГАРДА.....	360

Глава XXXVI. ПОЛУЧЕНИЕ КОНЦЕССИИ. ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА АРМАВИР-ТУАПСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....	362
Глава XXXVII. ЖЕНИТЬБА ЮРЫ. ШЕСТАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. БАДЕНВЕЙЛЕР. ДАВОС. БЕЛЬГИЯ	382
Глава XXXVIII. РОЖДЕНИЕ ВНУКА. ПОСТРОЙКА КОКАНД-НАМАНГАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ	392
Глава XXXIX. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. 1912 ГОД	405
Глава XL. ПОКУПКА ИМЕНИЯ	418
Глава XLI. СЕДЬМАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ – КИССИНГЕН, ГАМБУРГ, КОПЕНГАГЕН, НОРВЕГИЯ И ШВЕЦИЯ.....	425
Глава XLII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ. ПОЕЗДКИ В ЕКАТЕРИНБУРГ. ПОСТРОЙКА ЗАПАДНО-УРАЛЬСКОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ	431
Глава XLIII. «БЕЛАЯ РОМАШКА»	436
Глава XLIV. ВОЙНА	441
Глава XLV. ЗЕМГОР. ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНАЯ ДРУЖИНА.....	444
Глава XLVI. ЕССЕНТУКИ	464
Глава XLVII. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1916 ГОДА	468
Глава XLVIII. 1917 ГОД	471
Глава XLIX. ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ	478
Глава L. ПЕРЕСТРОЙ ЖИЗНИ В 1918–1923 ГОДАХ.....	486
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 523
ПРИМЕЧАНИЯ.....	524
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	546
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	566